

В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ

Как должно жить по закону природы и правды

<Фрагменты>

Идите в народ и говорите ему всю правду до последнего слова, и как человек должен жить по закону природы. По закону все люди равны. <...> Закон ясен, как свет небесный: для того люди рождаются на свет одинаково голыми, слабыми и глупыми; для того они делаются одинаково образованными, если их учить одинаково, чтобы всякий умный и неумный, и ученый и неученый могли сразу понять, что всякому при рождении должно давать одинаково, всех детей воспитать, содержать и учить надо одинаково. Те, через кого дети воспитываются и обучаются неодинаково, через кого им дается неодинаково, через кого одни люди выходят богатыми и учеными, другие бедными, безграмотными и несчастными; те, через кого все это делается, — беззаконники и злодеи, пусть они будут прокляты навеки. Своими погаными, нечестивыми ногами они топчут в грязь закон — закон более чистый, чем свет небесный, закон, который прелестнее всего прелестного, восхитительнее всего восхитительного, закон, от которого душа человеческая восхитится, воспоеет и возрадуется больше, чем от всех радостей земных и небесных. <...> Живите по закону, и не будет между вами ни бедных, ни богатых, ни гордо и злобно величающихся, ни забытых в грязи и плачущих день и ночь слезами от горькой нужды. Помните, люди, вы все братья; я голоден, я прошу пищи от груди нашей матери, от земли. Разве может человек схватить свою мать и сказать ей: «Не смей кормить моих братьев, других твоих детей, ты моя раба, служи мне одному!». Кто так сделает, тот беззаконник из беззаконников, злодей из злодеев. Точно так же никто не может захватить

землю и сказать ей: «Служи мне одному, ты моя, ты у меня раба и мне одному должна служить, я твой собственник, я твой помещик, я твой землевладелец, я захочу и продам тебя». Кто так сделает — незаконник из незаконников, он трижды и трижды проклят, он мать свою сделал рабою, он мать свою продает.

Мы вам разъясним, как подобает жить по закону. Вот перед вами села и деревни раскинуты по Руси, кругом их земля, и вся эта земля общественная, нет помещиков, нет землевладельцев, злом порожденных, мать свою закрепощающих. Вот человек голодный и бедный, жаждет он пищи от груди своей матери — от земли, и идет он в то село, в которое захочет, когда наступит время надела, и говорит он там людям: «Братья, я голоден, я прошу пищи от груди нашей матери, от земли, братья, вы такие же ей дети, как и я, не заслоняйте мне путь к общей нашей матери, дайте мне размягчить ее грудь своими слезами, и она накормит и утешит меня». И дадут они ему надел равный — без корысти, — и возвеселится он от радости, и возлюбит он их всею душою. И восчувствуют они, что они братья, что земля им общая мать, и станут они друг за друга и не отдадут они мать свою, землю, в рабство богатым и сильным, помещикам и землевладельцам. И не будет земля, как рабыня, сильным злодеям служить; не будет воем, стоном стонать, слезы горькие лить, как мать, которую от детей отрывают и в цепях и в неволе держат; а будет радоваться и веселиться, потому что она будет всех вас, детей своих, кормить, и все вы узнаете, что вы братья, и воцарится между вами любовь великая. Услышали это злодеи и незаконники, и захотели испортить сердце человеческое, и стали говорить людям: «Если вы всякого будете принимать без корысти, то набьется у вас людей великое множество, и будет у вас теснота великая, и жить вам будет не с чего». Злодеи поганые, не портите сердца человеческого! Если всем будет даваться равно, то тот, кто других стеснит, и себя стеснит, кто для других сделает голодно, и сам будет голодать. Если труженик может идти и туда, где мало, и туда, где много, разве он пойдет туда, где без него тесно? Он радости ищет, а не горя и нужды, он простору ищет, а не тесноты; он пойдет туда, где земли много и изобильно, где он от трудов своих может быть сытым и счастливым быть, и где он будет сыт, там и другие сыты будут. Если труженик в городе может быть сыт от городского труда, разве он пойдет в село теснить другого, чтобы самому голодать? Поистине мы вам говорим, и вы сами видите

своими глазами, теснота на земле завелась не от тружеников, а от тех злодеев и беззаконников, которые величают себя помещиками и землевладельцами, которые не постыдились из матери своей, родной земли, сделать свою рабыню и прислужницу, которых подлое сердце до того растлилось, что они мать свою, землю, как рабу на рынке, продают и умащают они, негодные, свое ленивое брюхо на счет трудов и слез человеческих. Злодеи, на счет братьев своих, их нужды и бедности живущие, братьев своих предающие, зачем вы мерзостными своими устами хотите испортить сердце человеческое! Зачем вы, поганые, хотите поселить рознь и вражду между тружениками! Поистине мы вам говорим и навеки утверждаем, пока между вами будут жить злодеи нечестивые, которые не стыдятся своей матерью, землей, как рабыней, торговать, до тех пор не познают люди закона истинного, не будет между ними любви братской, и испорчено будет сердце человеческое из века в век. — Беззаконник и тот, кто другого до надела не допустит или возьмет с него на это деньги: он матерью своею, землю, как рабою, торговал. Кто же наймет другого, чтобы землю возделывать, либо вспахать, либо жать, либо скосить, либо плоды убрать, либо для чего-либо другого, до земли касающегося, тот трижды проклят: он матерью своей торгует, а братьев, как рабов, служить себе заставляет, он всей мерзости поганой отец. Если бы не было этого зла на свете, если бы никто земли не возделывал чужими руками и наймом, не было бы тогда землевладельцев и помещиков, злодеев нечестивых, ленивых, ненасытных брюхом своим, братьев своих поедающих, слезами бедных безмерную жажду свою утоляющих. <...> Ты узнал закон, иди, учи народ, не бойся сильных, не бойся смерти; ты умрешь, а дела твои останутся; ты умрешь, а слова твои разрастутся в сердцах людей, потому что эти слова закона правды. Встанут на тебя беззаконники-злодеи и помещики, иди и сразись с ними, они враги и супостаты. Они убьют тебя, ты умрешь, но дела твои останутся, кровь твоя прольется, но кровь эта будет святая, и ты сам будешь святой. <...>

Ой вы, труженики любезные, вы постоите друг за друга, да спасетесь от гибели. Труженик, за насущный хлеб работающий, поистине говорю тебе, нет для тебя краше добродетели, как за братьев своих, тружеников, стоять и мучения и страсти принять, их опечаливающие. Посмотри на беззаконников и на притворство их окаянное, ногами своими погаными они

в грязь закон затаптывают, они губят человечество, а потом, злобно лукавствуя, они посты, и молитвы, и бдения творят, и поклоны земные многие. Из сокровищ своих награбленных они на церкви деньги дают, а корыстные попы нечестивые, этими деньгами подкупленные, нарекают им благословение вместо анафемы и проклятия. Забывают они, окаянные, что закон не лихоимствует, ему злата вашего не надобно, и Иисус Христос босой ходил, от богатых не требовал. А теперь у нас духовенствующие — это исчадие беззакония, и корыстное и подкупное, для обману народу поставленные, для прикрытия преступления. Так ты знай же, любезный труженик, не избавиться тебе от проклятия ни постами, ни молитвами, ни поклонами земными многими, если за братию твою за трудящуюся, в поте лица ради хлеба работающую, ты не будешь всей душой стоять, не потерпишь гонения великого от злейших врагов беззаконников. Не слова, а дела с тебя спросятся; не посты и поклоны лукавые, а праведная жизнь законная, за трудящегося страдания, с притеснителем борьба лютая. Чем корыстнее беззаконники, тем ниже они в землю кланяются, про посты свои в народ кричат и молитвами тщеславятся. Это лукавство их — злодейское, они сто крат за это преступники. Говорю тебе поистине, говорю и кричу тебе: ты постой-ка за трудящихся, от печали их избавляючи; добродетель эта светлая, постоишь ты крепко-накрепко, и простится тебе многое, а умрешь ты за них смертью лютой, то наденется тебе венец мученика. Смотри, труженик опечаленный просил хлеба, ему не дали за труды его великие, всё брюхами ленивыми съедено на счет трудов его, имущими. Загорелась любовь в нем пламенем и зажгла в нем кровь кипучую, и он просит невесту чистую, его сердцу прелюбезную; но растлили ее беззаконники, развратили люди богатые, и дают ему развратницу: мы одни де достойны чистого, а тебя к скоту приравниваем, на конюшне у нас стоящему. Тяжко труженик опечалился, покатила слеза горячая, прожгла его сердце тоскливое, и он умер среди горечи, одно слово повторяючи: «Я не скот, вы беззаконники, нет, мой образ человеческий, человеком могу чувствовать». О вы, люди честные, за несчастного работника вы постоит крепко-накрепко.

Все кругом нас беззаконие, злобой алчной порожденное. Посмотрите, друзья, на воинство: как рабы, они, несчастные, забираются насилием; как скоты в хлеве содержатся — они в казармах помещаются. Ой, скажите нам, кто осмелился наложить

руку преступную на людскую душу вольную? Удрученный злой неволею, солдат плачет и печалится, он в родной земле, как в злом плену, — рабством тяжким огорчается.

Как дойдут до вас слезы, люди честные, слезы воинства угнетенного, вы примите их с утешением, между вас пусть водворится любовь братская, сердечная; помогите им, чем можете, и они тогда помогут вам. Вы же, воины простодушные, крепко-накрепко запомните, что одною вашей силою незаконные угнетатели давят бедный люд трудящийся, перед ним они величаются и грозят вашим оружием. И чем больше страху наводится и чем больше народ смиряется, тем смелее незаконники обирают вас, лихоимствуя, и тем будете вы несчастнее, ваша жизнь злополучнее, хуже плену вам покажется. Не подымайте же руки преступные по приказу незаконников на родной народ трудящийся, на невинные жертвы несчастные; поощрите вы незаконников, на родной народ ополчаясь, и придется вам слезы горькие лить от лихоимства их преступного. За братоубийство ваше злодейское вы жестоко себя накажете; станет жизнь для вас казарменная горше плену, тюрьмы и каторги; вам не пищу дадут — вам яд поднесут, лихоимством приготовленный. Все, что воин тайно сделает, чтобы избавить людей от страдания, от жестокого приказанья угнетателей, в добродетель ему зачислится; если же примет он мучение или смерть и казнь лютую, то он будет светлый мученик.

Спросили ученики своего учителя: «Откуда взялось беззаконие и чем оно держится?». — И ответил им учитель: «А взялось оно от злодейства и преступления». Смотрите, чем держалось и держится оно на Руси. Держится оно одним цареубийством и насилием. Вельможи и придворные для беззакония своего мерзкого царей сажают и низлагают и убивают каждый раз, когда это им надобно, а затем подкупают их подкупами великими, чтобы они были им пособниками, в незаконных их делах помощниками. А потом через духовенство подкупленное они в церквах народу проповедуют, что посаженный их злодейством царь, поощритель их беззакония, есть от бога царь посаженный.

Беззаконные хулители и преступные обманщики, не от бога ваш царь посаженный, а от вашего беззакония, от преступного злого умысла. Чтобы царя иметь незаконника, их злодейских дел поощрителя, они с малых лет воспитают его в беззаконии и злу научаючи; а как вскормят они в нем сердце злодейское и начнет он их тиранить самих, они изводят или убивают его,

чтобы знали его наследники, что тиранить можно один народ, беззаконие поощряючи, а вельмож своих они слушать должны и злодейству их способствовать. <...>

Убийством, тюрьмой, возмущением на царя сначала страх наводится, а потом подкупают его подкупом, лестью подлою и ласкательством; эти ковы там подводятся, чтобы против силы злодейственной не устоять и душе ангельской. Плачьте, люди, и кручиньтесь, день и ночь слезами обливаясь, горем грудь свою разрываючи, глядя на царство беззакония и на силу его великую, глядя на то, как оно держится злым злодейством и преступлением. Пусть же слезы ваши горячие жгут вам тело огнем-пламенем, пусть горе ваше бесконечное грызет сердце ваше печальное, словно хищный зверь чудовищный. Нет, не знать нам утешения, не видать ни единой радости, пока с силой народа великою не раскинем мы царство злодейское. Над головами нашими бедными, над сердцами разможженными лежит проклятие трижды тяжкое; тем проклятием мы разможжаемся за то, что терпим в своей слабости от ленивства и от робости это царство беззакония. Говорю я вам, любезные, говорю, сто крат повторяючи, моему вы сердцу близкие, лучше уж страсти нести тяжкие, умереть светлой смертью мученика за закон, на врагов ополчаяся, чем всю жизнь быть под проклятием за то, что с царством беззакония всею силою не боролся. В горький смертный час тебе вспомнится, что умираешь ты под проклятием, трижды тяжким, угнетающим; задрожит душа твоя трепетно, и подымутся дыбом волосы, и уставятся глаза мутные от страдания ужасного, и воскликнешь ты диким голосом: «О, горе мне, злополучному, мне, преступнику из преступников, не боролся я с беззаконием. Ты умрешь смертью беспокойною, а на трупе твоём, лице мертвенном, черты ужаса останутся, черты страха бесконечного, и страшиться будут люди робкие на тебя глядеть на мертвого».

Спросили ученики учителя: «Как узнать нам законных правителей, как отличить их от беззаконников, от злодеев, власть имеющих?». И ответил им учитель: «Ой, не трудно законных правителей отличить от беззаконников, как не трудно хлеб питательный отличить от плевел мерзостных. Кто живет в дворцах и в роскоши, тот исчадие зла поганого, поощритель беззакония; над народом кто величается и своей роскошью поганую кто внушить людям старается, что он лучше их, достойнее, тот рожден от беззакония. Беззаконники окаянные постоянно народу на-

говаривают, что не могут-де люди равными быть. Наговоры эти преступные на незаконных правителях оставляют клеймо злодейское, и по этому они узнаются; а законные люди, истинные и законные правители одно слово повторяют всем труженикам и одному они поучают их: все люди должны равными быть, друг от друга не отличатся, друг над другом не величатся. И чтобы злые незаконники, захватив власть великую, не могли стереть закон истинный, чтобы закон был вечно памятен, — люди голыми все рождаются, равно голыми и слабыми; могут все они быть учеными, если равно обучаются. А чтоб людям было понятнее вековечное их равенство, созданы скоты бессловесные, они вечно будут безграмотны, и не могут они научиться так, как все людьми рожденные; это знамение великое, это знамение — вековечное о законе напоминание. Не сотрут его незаконники, как бы они о том ни старались, и их дети во дворцах и среди роскоши вечно голыми будут рождаться, столь же голыми, глупыми, слабыми, как и в хижине, крытой соломой. Кем народу постоянно внушается это знамение великое — вот законные правители; всем детям до единого обучение дают равное; те правители незаконные, кои этого не делают. Научающие людей с усердием, как им равными друг с другом сделаться, — вот законные правители. Вы по этому их узнаете, отличите от незаконных властей, от поощрителей беззакония».

Расставаясь с своими учениками, он сказал им последнее слово. Когда он вспомнил беззаконие, всюду на земле царящее, и людей тяжкие страдания, по лицу его, мукой изнуренному, протекли слезы горячие, как роса, они на землю падали, и пила земля скорбь его великую. Для людей счастье и земные радости от одной любви братской рождаются. Только такая любовь сладчайшая дает счастье безмятежное, неизменное, лихим горем не отравленное, среди повсеместной братской любви во всех случаях человек утешается, от страданий всех избавляется, протекает его жизнь счастливая среди радостного лобызания. Где же нет братства повсеместного и любви его сладчайшей, не дадут там жизнь безмятежную, счастливую и спокойную ни богатство с его роскошью, ни власть, ни знатность гордая. Любовь же братская сладчайшая только в той мере у них водворяется, как закон людьми исполняется. Ой вы, люди темные, неразумные; о люди неведающие, трудно для вас закон познать, трудно паче всяких трудностей, ибо вам все представляется, что если вы богатством

друг над другом возвыситесь, то вы будете счастливее. А через эту слабость душевную вы отдались во власть беззаконникам, и вас всех они сделали нищими и рабами-служителями; все для себя одних они забрали и над вами величаются, тяжким горем вас угнетаючи, как скотами вами помыкаючи.

Слушайте, люди, правду великую, только тогда вы счастье изведаете, радость светлую без горести, когда полюбите друг друга любовью сладчайшей и от любви друг к другу сладостной не захотите вы друг над другом возвышаться, а возжелаете все быть равными. Кто сердцем чистым и светлым разумом постигает закон равенства, тот один достойный есть и один он добродетельный. А кто с гордыми и сильными борется и словами и оружием, не жалея живота своего, чтобы сделать людей равными, тот есть светлый, чистый праведник. Нет в робости добродетели, вы не бойтесь оружия, а берите его рукой твердою и сражайтесь битвой жестокою за святой закон и за равенство, за братскую любовь сладчайшую с угнетателями гордыми. Знайте и помните, люди добрые: пока не водворилось святое равенство, любовь братская сладчайшая, пока чистый закон не царствует, до тех пор у всех у вас одно дело есть — это с оружием с гордыми битися, своего живота не жалеючи, за святой закон и за равенство. Только тот, кто в битве свою кровь прольет, землевладельцев уничтожаючи, богачей гордых смиряючи, только над тем будет благословение: ее устранился он, чего бояться все, не убоялся он брать оружие и с кичливой силой сражаться. Кто же видит братьев своих угнетение, людей страдания, и слезы горькие, и обиды несправедливые — и из робости, малодушия за обиды их не вступается ни словами, ни оружием, на том вечное проклятие, и так худо ему будет сделано, что ему лучше бы не родиться! Средь мученья бесконечного он вопиать будет громким голосом: «Горе робкому, малодушному, что за братьев не вступается!».

